

Максуд Ибрагимбеков

РЕСТОРАН «ФИНАЛ»

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ДАМИР-БЕК МУХТАРОВ - пожилой, но не старый человек

АЛХАЗ КАДЫМОВ - пожилой, но не старый человек.

С Е В Д А - молодая женщина

ДОМРАБОТНИЦА ЗИБА - девица

БАРМЕН

1 - ЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ

2 - ОЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ

МУЖ СЕВДЫ САБИР

ЖУРНАЛИСТ

ЧЛЕН КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА

МУЗЫКАНТЫ, ТЕЛОХРАНИТЕЛИ АЛХАЗА

ДЕЙСТВИЕ 1-е

Квартира Севды. В гостиной, разместившись на диване и в креслах у столика с телефоном, хозяйка квартиры, ее муж, домработница и полицейский.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ: Они должны позвонить. Надо терпеливо ждать. Магнитофон подключен, ваш разговор будет записан. Запись разговора это важная улика и юридический документ.

СЕВДА: Второй день ждем без толку. Вчерашний полицейский тоже говорил, что они должны позвонить. Это кто вам сказал, что они должны позвонить? Они сказали? Или вам так кажется?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ: Дело в том, что похитители людей обязательно звонят и сообщают родственникам свои требования - терпеливо объясняет следователь. - Людей похищают с определенной целью. Чаще всего требуют выкуп. А может быть, они украли вашего ребенка, желая за что-то вам отомстить. У вас есть враги?

СЕВДА: Я и вчера объясняла, нет у нас врагов, ни одного врага нет. Только друзья. (обращается к мужу) Это так?

В знак согласия муж молча кивает.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ: Кто видел ребенка в последний раз.

СЕВДА: (показывает на домработницу) Она. Ее уже пять раз допрашивали. Она ждала ребенка во дворе школы, чтобы отвезти домой. Когда Эминчик вышел, она пошла ему навстречу. И в этот момент к нему подошли двое мужчин, взяли под руки и посадили в машину. Она побежала за ними, но упала в обморок.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ: Если можно, пусть расскажет она сама.

СЕВДА: Пожалуйста. Но я рассказываю так, чтобы вы поняли.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ: (извиняющимся тоном) Но вас же там не было. (спрашивает у домработницы) Вы видели их в лицо?

ЗИБА: Одного из них хорошо видела.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ: Вы можете его описать?

ЗИБА: Он очень похож на моего дядю Исрафила, как будто близнец.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ: Прекрасно. Я могу увидеть вашего дядю?

ЗИБА: Он живет в Шемахе, в селенье Гушчу. Только дядя здесь не при чем, он своих двоих детей бросил, для чего ему чужой ребенок?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ: Вы назвали номер машины похитителей – черная иномарка 77–99. Выяснилось, что это молочная машина желтого цвета.

ЗИБА: Что запомнила, то и сказала.

СЕВДА: Я уже объясняла. 77–99 это номер моего мобильного телефона. После вчерашнего обморока это единственное число, которое она может вспомнить.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ: А ваш водитель? Что он видел?

СЕВДА: Он спал. Он всегда засыпает, как только машина останавливается. (обращается к мужу) Так или нет?

В знак согласия муж молча кивает головой.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ: Кто ваши ближайшие родственники? Надо бы и с ними поговорить.

СЕВДА: С мамой разговаривать бесполезно, она у себя дома непрерывно плачет. А у папы вот уж два часа как отключен телефон. И сам он не звонит. Знаю, что он был у прокурора. Час назад я звонила в приемную, мне сказали, что он только что ушел, и передали пожелание прокурора, чтобы я не волновалась. Два дня все советуют, а сегодня и прокурор тоже, чтобы я не волновалась. Вы мне можете объяснить, как это сделать.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ: Прокурор нашего района дает только полезные советы. Вы в этом скоро убедитесь.

СЕВДА: Среди бела дня, в центре города украли мальчика, и вторые сутки одни разговоры. Куда только полиция смотрит?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ: Наша полиция постоянно смотрит в нужном направлении. Если в Баку в центре города украли мальчика, то этот мальчик будет найден! По-другому не может быть. (за моральной поддержкой полицейский обращается к мужу Севды) Я правильно говорю?

В знак согласия тот молча кивает головой.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ: (домработнице с надеждой) Может быть, вы уже что-нибудь вспомнили, например какие-то особые приметы? Или какие-то слова?

ЗИБА: Вспомнила! Я вспомнила, что мне сказал второй, который не похож на дядю Исрафила. Но не могу повторить, стесняюсь.

СЕВДА: (вытирая слезы) Нечего стесняться, здесь все взрослые люди. Говори, я разрешаю. Ну!

ЗИБА: У него глаза засверкали, все усы во все стороны встали дыбом, и он страшным голосом сказал: – Вали отсюда, сука! Слово скажешь, отведу за угол и сделаю усиси! Сперва будет больно, а потом привыкнешь! Вот тут-то я и потеряла сознание. А номер машины до сих пор перед глазами 77 – 99.

СЕВДА: (спрашивает у полицейского). А что такое усиси?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ: (после легкой заминки) Несомненно, угроза действием. Уголовно наказуемая. Надо внести в протокол. Как вы сказали? Усиси? (записывает).

СЕВДА: Проклятые извращенцы! До чего додумались! (берет трубку). Позвоню маме. (разговаривает) Папа вернулся? И не звонил? Непонятно. Честно говоря, я тоже начинаю беспокоиться. Беда одна не приходит. Вдруг, думаю, его тоже похитили. Всё, всё, мамочка, успокоила. Как вернется, пожалуйста, позвони. (кладет трубку). Мама говорит, что не завидует людям, которым захочется похитить ее мужа. Она до сих пор уверена, что мой папа самый умный, красивый и сильный человек в мире. А Эминчик еще совсем маленький и очень слабый. (рыдает в голос).

ДЕЙСТВИЕ 2 – е

Ресторан «Финал»

В небольшом зале в этот непоздний вечерний час немногочисленно. Оркестр играет вполне прилично, не раздражая слуха, донося музыку до слушателей в ее приятном натуральном виде, то есть не прибегая к помощи микрофона, усилителя и динамиков. В зал входит Дамир-бек Мухтаров. Со стороны может показаться, что этого высокого стройного человека в сером костюме модного покроя сопровождают два телохранителя. За специфическую невыразительную физиономию с низким лбом, мутный взгляд и внушительные габариты в Баку представителей этого вида человеческой популяции несправедливо именуют амбалами. В зале никому не приходит в голову, кроме одного человека, Алхаза Кадымова, что рядом с Дамир-беком идут не телохранители, а, по сути, его конвоиры. Они подводят его к столику, за которым сидит Алхаз. Отдают Дамир-беку телефон:

АМБАЛ: Вот ваш телефон. Извините, мы его временно выключили.

ДАМИР-БЕК: (обращаясь к сидящему за столиком Алхазу) Я знал, что ты уголовник, но не мог представить, что такой наглый уголовник. Твои негодяи схватили меня у моего дома, затолкали в машину, отняли телефон, и привезли сюда. Ты думаешь, тебе это пройдет даром!?

АЛХАЗ: Здраваться надо. Садись. (жестом отпускает «соратников»). Идите, отдыхайте. Дамир муаллим останется, ему здесь нравится. Я понимаю, почему ты злишься, но в этом виноват ты сам. Я вчера ведь позвонил тебе, пригласил в ресторан, разговаривал вежливо, сказал, что хорошо бы нам поговорить. А ты мне, что ответил? «Я занят и не могу с тобой разговаривать».

ДАМИР-БЕК: Я и сейчас тебе говорю, мне сейчас не до разговоров! (направляется к выходу).

АЛХАЗ: (ему вслед) О ребенке тоже не хочешь поговорить?

Дамир останавливается как вкопанный.

ДАМИР-БЕК: (вернувшись к столу). Он жив?!

АЛХАЗ: (скороговоркой) Жив, здоров и уже полчаса находится дома. Если бы ты вчера не бросил трубку, твой внук переночевал бы дома.

ДАМИР-БЕК: (садится, набирает номер). Что происходит? Слава богу!... (после разговора с домом Дамир-бек обращается к Алхазу куда менее восторженным тоном) Что ж получается? Значит, это твои люди украли моего внука!?

АЛХАЗ: (возмущенно) Посмотрите на него! Я похож на человека, который может украсть ребенка?

ДАМИР-БЕК: Как две капли воды из одного болота.

АЛХАЗ: Честное слово, ты прав, нам с тобой не о чем разговаривать! Но дело есть дело, поговорить придется... Пойми, твоего внука украли очень серьезные люди. Ты понял? Скажи спасибо, что я узнал об этом. Благодаря мне его отпустили. Клянусь честью! Но на этом вся эта история не закончилась, все только начинается.

ДАМИР-БЕК: Кому пришло в голову похитить восьмилетнего мальчика? Родители за эти двое суток чуть не сошли с ума. Зачем?!

АЛХАЗ: (испытующе глядя на Дамир-бека) А ты не догадываешься?

ДАМИР-БЕК: Нет.

АЛХАЗ: Деньги. Может быть, ты все-таки поймешь, что привезли тебя сюда ради твоей же пользы? Я хочу поговорить с тобой о делах твоей дочери и ее мужа. Ты знаешь, что они набрали огромные долги. Сроки давно прошли, надо расплачиваться. Ты знал об этом?

ДАМИР-БЕК: (качает головой) Они давно уже самостоятельные люди, и я знаю только то, что они мне рассказывают. Настроение у них хорошее, оба увлечены своей типографией. Иногда показывают мне книги, буклеты. Ты можешь мне объяснить, что за долги, сколько они должны, кому?

АЛХАЗ: От тебя кое-что скрыли. Четыре года назад твоя дочь и зять открыли в центре города типографию с самым современным оборудованием. Можно сказать чудо полиграфии. Для этого они взяли в кредит 240 тысяч долларов. Это ты все знаешь. Первые полгода радовались. Потом дела у них пошли неожиданно плохо. А почему? Из-за отсутствия заказов и связанных с ними доходов. Потому что в Баку за последние годы открылись десятки типографий. Сейчас в городе типографий больше чем библиотек и музеев вместе взятых. И за всеми ними в тени скрываются влиятельные владельцы. Конкурировать с ними безнадежное дело. Мало того, что твои родственники не отдали в срок основной долг, они стали занимать дальше и в общей сложности нахватили шестьсот двадцать тысяч. А долги отдавать надо. Ты знаешь, что сейчас делают с людьми, которые не отдают долгов? У тебя есть такие деньги? Значит, надо подумать, что делать. Ребенка украли, чтобы поторопить твою дочь и зятя. Ты можешь за них расплатиться? Может быть, кто-нибудь одолжит тебе эти деньги?

ДАМИР-БЕК: (явно застигнут врасплох). Моя дочь и зять не деловые люди. У них нет ни имущества, ни драгоценностей, под которые они могли бы получить такой кредит. Кто им мог одолжить эти бешеные деньги?! Все это для меня неожиданно. Надо собраться мыслям... Жарко, (оглядывается по сторонам). Здесь же есть кондиционеры, скажи своим соратникам, чтобы включили, хоть какая-то польза от них будет.

АЛХАЗ: Нет. Когда я здесь, кондиционеры не включают из-за моего остеохондроза. Ты знаешь, что такое остеохондроз?

ДАМИР-БЕК: Моему остеохондрозу кондиционеры не вредят.

АЛХАЗ: Еще как вредят, ты просто этого не замечаешь. Всё до поры до времени. Мне вполне хватает этого вентилятора на потолке. Немецкий. Семьдесят лет ему в прошлом году исполнилось. Люблю антиквариат.

ДАМИР-БЕК: Шумит уж очень сильно твой антиквариат. Его надо выключить, а не кондиционер.

АЛХАЗ: Шум это пустяки. Я уже распорядился, завтра придет мастер, смажет его, где надо, и он заработает как новенький. Ты разве не чувствуешь каким от него приятным ветерком веет?

ДАМИР-БЕК: А почему кондиционеры включаются по твоему разрешению? Ты что здесь директор?

АЛХАЗ: (вопрос ему не понравился). Я здесь не директор, не повар и не официант, но это мой ресторан, я его владелец. Поэтому здесь все включается и выключается по моему желанию.

ДАМИР-БЕК: А как он называется? Я из-за твоих бандитов даже вывески не заметил.

АЛХАЗ: Молодцы, ребята! Раньше мы таких суперменов только в кино видели. А сейчас по этой линии в Баку все в порядке. Появились свои кадры телохранителей, охранников, разве это плохо?

ДАМИР-БЕК: Действительно, много их развелось в Баку. И очень похожи друг на друга. В основном, интеллигентные и трудолюбивые люди. А те амбалы, что сюда меня привезли, тоже на все способны, могут изуродовать человека, убить, а могут и ребенка чужого похитить? Да?

АЛХАЗ: Очень ты наблюдательный. Пятиметровую неоновую вывеску на стене не заметил, а в людях сразу разобрался! А ресторан называется – «Финал». Знаешь, есть такая фирма – «Финал чай»? Хорошо звучит, правда? Я сказал, чтобы чай с надписи убрали, - остался финал. Мне нравится. Не знаю только, что оно означает – сорт чая или название местности. Все собираюсь позвонить на фирму узнать.

ДАМИР-БЕК: В слове финал ощущается какой-то грустный оттенок. По мне, «Старт» звучит лучше.

АЛХАЗ: При чем здесь старт? Ладно. Когда у тебя появится ресторан, назовешь его «Старт»... Обычно я назначаю здесь деловые встречи.

ДАМИР-БЕК: Ресторан небольшой, но уютный.

К их столику подходит бармен.

АЛХАЗ: Заметил, мой столик обслуживает не официант, а бармен. Верный человек, я его из деревни привез. Послал учиться в кулинарную школу в Париж, человеком сделал. Он замечательные коктейли готовит, например «Маргариту». Мне очень нравится. Наливает в стакан «Текилу», к ней добавляет розовый мексиканский сироп и немного лимонного сока. Все смешивается. А края стакана обсыпает солью. А вот то, что он сейчас мне принес - тоже «Маргарита», но особая - без «Текилы», потому что со спиртным я завязал. Тот же самый коктейль, но без «Текилы».

ДАМИР-БЕК: Короче говоря, пьешь слегка подсоленный сироп.

БАРМЕН: (дождавшись, когда замолчит Алхаз). Что желаете?

ДАМИР-БЕК: Стакан чая, пожалуйста.

АЛХАЗ: Такие верные люди как он, в наше время нужны. Можно быть спокойным, что с едой он тебе ничего не подсунет, и язык за зубами будет держать. У меня от него секретов нет. Он здесь как бы директор... Ты думаешь у меня этот ресторан единственный? На сегодняшний день у меня в Баку 23 ресторана и 4 кафе. Масштаб?! Я знаю, ты считаешь, что большие деньги вещь ненужная даже вредная.

ДАМИР-БЕК: Да нет, ты ошибаешься. Мне деньги очень нравятся.

АЛХАЗ: Да что ты в них понимаешь? Ну скажи, для чего тебе деньги?

ДАМИР-БЕК: Для меня деньги это картины, книги, музыка, изысканная еда, путешествия.

АЛХАЗ: (снисходительно) И всё?

ДАМИР-БЕК: Пожалуй, все. Подход у нас с тобой к деньгам разный... Их надо заработать. Человек обязан зарабатывать деньги. Все люди обязаны это делать. Например, ты знаешь содержание клятвы Гиппократ?

АЛХАЗ: Гиппо... кто?

ДАМИР-БЕК: Гиппократ.

АЛХАЗ: (неуверенно) Это бегемот?

ДАМИР-БЕК: Это великий врач средневековья. Он составил содержание клятвы, которые произносят врачи. Клятва Гиппократ запрещает врачам лечить бесплатно. На первый взгляд парадокс, а на самом деле логично и правильно. То есть даже представители самой гуманной профессии - врачи должны обязательно получать за свой труд деньги. Человека должна кормить его профессия. Деньги замечательные вещь, но их надо заработать.

АЛХАЗ: Слышал, слышал, ты уже говорил, мозгами и руками. А как еще можно?

ДАМИР-БЕК: Оказывается можно. Некоторые их добывают копытами и хвостом.

АЛХАЗ: Я таких не встречал, которые хвостом.

ДАМИР-БЕК: (благодарно) Ну и, слава Богу. Я сейчас почему-то вспомнил, как в начале восьмидесятых годов ты весь Баку завалил видеоманитофонами. Я в первый раз тогда увидел это чудо - видеоманитонфон. До сих пор не пойму, как ты это сумел?

АЛХАЗ: Вот видишь! Если бы ты знал, на какой я шел риск во времена коммунистического режима. И все делал сам, собственными руками, никого близко не подпускал. Тогда я заложил основу своего капитала. А помнишь драку на Торговой. Скажу тебе прямо, если бы ты не пришел на помощь, меня, наверное, убили бы в тот вечер.

ДАМИР-БЕК: Вспоминаю. Я шел мимо, смотрю, моего соседа Алхаза лупят трое, причем с удовольствием лупят! Пришлось вмешаться.

АЛХАЗ: (заметно помрачнев). А помнишь, что ты мне после драки сказал? В тот же вечер. Когда все разошлись?

ДАМИР-БЕК. Не афоризм же какой-нибудь бессмертный. бессмертный? Конечно, не помню.

АЛХАЗ: А я на всю жизнь запомнил, Я ведь Дамир с детства все помню, все, что с тобой связано. Мы с тобой стояли на Торговой перед ресторана «Ширван». Я тебя пригласил поужинать. Сказал от души, пойдём Дамир, посидим, поговорим? А ты помнишь, что ты мне ответил? С тобой? - спросил ты, и посмотрел на меня, так как будто я не человек, а какой – то больной таракан.

ДАМИР-БЕК: Может быть, потому что у того парня я узнал, что ты вместо нормального видеоманитофона за дикие деньги подсунил ему металлический прибор неизвестного назначения в фирменной упаковке. Кстати, он оказался очень толковым специалистом и вот уже пятнадцать лет работает в моей лаборатории.

АЛХАЗ: (смущенно хихикнув) То ты говоришь, что ничего не помнишь, то вспоминаешь всякую чепуху. Ну, подсунил, с кем не бывает – молодость как никак... А этот ресторан для меня как служебный кабинет. Сюда посторонние люди редко приходят. В основном, друзья и деловые партнеры. Мне это помещение подарили в ужасном состоянии. Немного затрат, и оно превратилось в конфетку.

ДАМИР-БЕК: (с иронией) На день рождения подарили?

АЛХАЗ: Друзья подарили в знак уважения и благодарности, У них на таможне задержали груз стоимостью в двенадцать миллионов, Меня попросили, я все уладил. В знак благодарности помещение отдали мне.

ДАМИР-БЕК: Как это ты уладил? Разве ты юрист? Я помню, лет двадцать назад ты купил диплом агронома. Теперь ты и диплом юриста купил?

АЛХАЗ: Умному человеку, дипломы не нужны. Деньги и связи, Вот что главное! У кого большие деньги и мощные связи, тот и хозяин жизни. Не обижайся, у тебя три диплома, а что пользы?

ДАМИР-БЕК: Тебе от моих дипломов, конечно, никакой пользы. Но в них есть глубокий смысл.

АЛХАЗ: Какой?

ДАМИР-БЕК: Глубокий смысл познается не сразу. С непривычки понять трудно... Знаешь, ты не обижайся, но я все-таки обязан сообщить в полицию о том, что ты знал о похищении мальчика. Двое суток вся полиция на ушах стоит! С ног сбилась, разыскивая похитителей.

АЛХАЗ: Телефон же тебе вернули, звони. Можешь заодно пожаловаться, что и тебя сюда насильно привези. Я не против.

ДАМИР-БЕК: Жалуются слабые. Я с тобой сам разберусь. Ладно, по поводу похищения позвоню из дому, самое главное произошло, мальчика вернули.

АЛХАЗ: (заинтересованно) Ты и сейчас думаешь, что ты сильнее меня? Мне очень интересно, объясни, почему ты так думаешь?

ДАМИР-БЕК: Может быть, потому что я умнее тебя? Может быть такое?

АЛХАЗ: Умнее? Ты? Еще посмотрим, какой ты умник. Если....

Договорить он не успел, потому к их столу в этот момент, предварительно усадив свою спутницу за свободный столик, подошел представительный хорошо одетый человек.

АЛХАЗ: Рад тебя видеть. Присаживайся.

ЗНАКОМЫЙ АЛХАЗА: Спасибо, Меня ждут. Я и так опоздал. Я подошел сообщить вам, что все в порядке. Заседание прошло, как по нотам. Пусть кто-нибудь зайдет завтра в канцелярию, получит решение.

АЛХАЗ: Жалоб, апелляций потом не будет?... Понял, вопросов нет, Молодец!

ЗНАКОМЫЙ АЛХАЗА: Всегда к вашим услугам. Всегда и везде.

АЛХАЗ: Я тебе на завтра тоже приятный сюрприз приготовил (спохватывается) Кажется, я вас не познакомил?

Воспользовавшись тем, что их разделяет стол, Дамир – бек руки протягивать не стал, он ограничился лишь кивком головы.

ЗНАКОМЫЙ АЛХАЗА: Знакомое лицо. Мы с вами раньше встречались?

ДАМИР-БЕК: По-моему, нет. Я бы вас запомнил. У меня хорошая память на лица.

Знакомый Алхаза отходит, присаживается за столик к своей даме.

АЛХАЗ: Это влиятельный и авторитетный судья, член Конституционного суда Фарраф Абгваладзе, очень хороший человек.

ДАМИР-БЕК: (вежливо) Его положительные качества приятно режут глаза с первого взгляда. И еще приятно, что в ресторан он приходит с мамой. В наше время нечасто такое увидишь.

АЛХАЗ: Это не мама. Она его старая неувядающая любовь. Очень умная женщина из очень хорошей семьи. Могу сказать, что благодаря ней, он многого достиг в жизни.

ДАМИР-БЕК: И все-таки не могу понять, какое отношение к тебе имеют дела моей дочери или ее мужа? Или их долги?

АЛХАЗ: Клянусь честью, я хочу им помочь! Мне ничего от них не нужно, ни копейки.

ДАМИР-БЕК: Хорошо, поверим, что тебе денег не нужно, но почему-то ты этим все-таки занимаешься? Почему?

АЛХАЗ: А я не скрываю. У меня есть кое – какой интерес, но не денежный. Скорее, в убыток. Но помочь им мы можем только вместе – ты и я. Врозь – ничего не получится.

Алхаз раскрыл черную папку, вынул из нее бумаги и протянул их Дамир-беку.

АЛХАЗ: Внимательно просмотри эти бумаги, ты математику знаешь и легко все можешь посчитать, это долговые обязательства. Часть из них подписана твоей дочерью, часть зятем.

ДАМИР-БЕК: (ознакомившись с бумагами) Действительно, в сумме набирается шестьсот двадцать тысяч. Непонятно другое. Ты говорил, что они брали кредит в банк, брали в долг у каких – то бизнесменов. А я вижу долговые обязательства, оформленные исключительно на твое имя?

АЛХАЗ: Все очень просто. Не оформив все долги на свое имя, я не сумел бы им помочь. Теперь твоя дочь и зять юридически должны только мне, одному мне. Все по закону. Клянусь честью! Вот их подписи, а вот, удостоверяющие их подлинность, подписи и печати нотариуса.

ДАМИР-БЕК: Ты считаешь, что я должен тебе верить?

АЛХАЗ: Как хочешь. Я тебя не принуждаю.

ДАМИР-БЕК: Прежде всего, завтра я поговорю с зятем и дочерью.

АЛХАЗ: Завтра? Завтра будет поздно, сегодня последний срок. Завтра я ни чем не смогу им помочь. Все сроки прошли. Деньги великая сила, они толкают людей на страшные поступки. Почему завтра? Позвони им сейчас и через двадцать минут они будут здесь.

ДАМИР-БЕК: (набирая номер) Что им сказать? Где находится ресторан?

АЛХАЗ: Просто скажи, ресторан «Финал». Они здесь бывали.

ДАМИР-БЕК: (говорит по телефону) Как Эминчик себя чувствует? Он не очень напуган?.. Молодец! Я сейчас нахожусь в ресторане «Финал». Вы можете приехать. Да-да, сейчас. Очень хорошо. Жду. (кладет трубку) Сказали, скоро будут

АЛХАЗ: Очень хорошо...Ты обратил внимание, как грамотно составлены долговые обязательства? Все на высшем уровне. Это работа члена международной коллегии адвокатов – Галамдара Сафарова. Знаменитый. Знаешь его?

ДАМИР-БЕК: Видел. С черной бородкой. И взгляд тяжелый пристальный, как будто хочет просверлить человека. Между прочим, есть у вас что-то общее. Вы не родственники случайно?

АЛХАЗ: (приходит в исступление) Ну почему, почему ты всю жизнь говоришь мне неприятные вещи? Чем я похож на этого козла?!

ДАМИР-БЕК: (примирительным тоном) Все, все, успокойся, мне показалось.

АЛХАЗ: Если хочешь знать, мне как раз вчера Фарраф Абгваладзе, член Конституционного суда, сказал, что я очень похож на Сильвио Берлускони. Говорит, копия.

ДАМИР-БЕК: (меланхолически). Безумный человек.

АЛХАЗ: Фарраф Абгваладзе безумный?

ДАМИР-БЕК: (идет на компромисс) Оба. А ты все такой же обидчивый как прежде. Это поразительно, но люди со временем в главном не меняются. Ты обратил внимание, тот, кто в детстве, чуть ли не в третьем – четвертом классе уже был доносчиком, трусом или вруном часто остаются такими же и во взрослом состоянии.

АЛХАЗ: Это верно. Например, ты, с детства был ехидным издевателем. Я не забыл. И сейчас такой же. Только твое время кончилось. Это я тебе говорю, Алхаз Кадыров!

ДАМИР-БЕК: Я тебя прошу, пожалуйста, перестань скрипеть зубами. Впервые такое слышу! Мороз по коже подирает. У тебя свои зубы или ты протезами наловчился так скрипеть?

АЛХАЗ: Не знаю, что у тебя во рту делается, а меня зубы все до одного на месте. Смотри!

ДАМИР-БЕК: (заглядывает в раскрытую пасть Алхаза) Действительно, полный комплект зубов. Кое-где слегка стерлись и пожелтели это да, но ни одной пломбы. Поразительно. Я думаю, в Баку мало найдется людей твоего возраста с такими абсолютно здоровыми зубами. По крайней мере, я не встречал. Что люди. Сейчас даже у животных проблемы с зубами. Люди, собаки, тигры, слоны, у всех зубы болят. У всех! Кроме обезьян. У обезьян – всяких там горилл, павианов, мартышек никогда не бывает ни кариеса, ни пародонтоза. Это научный факт. У всех обезьян здоровые зубы. Особенно у человекообразных. С возрастом, конечно, у пожилых обезьян зубы стираются и желтеют, но это сам понимаешь пустяки.

АЛХАЗ: Посмотрим, кто из нас будет похож на обезьяну завтра.

ДАМИР-БЕК: А что будет завтра?

АЛХАЗ: Завтра будет завтра, поживем, увидим.

ДАМИР-БЕК: Зря ты обижаешься. Речь идет вовсе не о тебе. Все люди похожи на обезьян. И ты похож и я. Одни меньше, другие больше! Смотришь на повадки некоторых окружающих и восхищаешься, вылитая злобная хитрая обезьяна!

Заиграла музыка. На сцену после короткого антракта вернулся оркестр.

АЛХАЗ: Лучший оркестр в городе. Самый лучший. Музыканты - высший класс. Выступают только здесь. Я нигде, кроме этого ресторана не разрешаю им играть. Только два раза в год отпускаю их на три дня – для участия в джазовых фестивалях. Можешь представить, каждый

раз, когда я вхожу зал, они сразу же начинают играть «Бинго»! И когда ухожу, тоже. (Алхаз делает знак рукой, музыканты начинают играть «Бинго»). Ну как, нравится?

ДАМИР-БЕК: Саксофонист действительно блестящий. А почему «Бинго»?

АЛХАЗ: Ты помнишь старый «Интурист»? Помнишь, там играл оркестр под управлением Вовки Владимировва?

ДАМИР-БЕК: Его все помнят.

АЛХАЗ: А помнишь в «Интурист» почти каждый вечер приходил писатель, имя забыл. Каждый раз, когда он входил в зал, оркестр почему-то начинал играть «Бинго». И когда он уходил тоже. Я еще тогда дал себе слово, что когда-нибудь, увидев меня, оркестр будет играть, причем именно «Бинго».

ДАМИР-БЕК: Того человека в старом «Интерере» музыканты приветствовали добровольно. Это факт. А тут оркестр играет для хозяина в его собственном кафе. Ты действительно никакой разницы не видишь?

АЛХАЗ: Слушай, теоретик. В любом деле самое главное результат. Конечно, разница есть, и она в том, что мой оркестр играет лучше, чем тот. А все остальное неважно. Музыканты, они и есть музыканты, лабухи, кого интересует, добровольно они играют или за деньги.

К их столику подходит молодой человек чрезвычайно небольшого роста. Алхаз приветствует его с восторгом.

АЛХАЗ: Кого я вижу! Читал, читал! Как ты его отделал! Лучше чем я думал. Живого места не оставил. Не будет совать нос не в свои дела. Я уверен, с ним теперь даже соседи

здороваться не будут. (протягивает собеседнику пухлый конверт). Это тебе, заслуженный гонорар. Спасибо! Садись за любой стол.

ЖУРНАЛИСТ: К сожалению, тороплюсь. В следующий раз как-нибудь. А за гонорар спасибо. Самое главное – вы довольны! Всегда к вашим услугам.

Журналист делает несколько шагов. Возвращается.

ЖУРНАЛИСТ: А можно я завтра вечером приду с товарищами.

АЛХАЗ: Конечно. (показывает на бармена), - Он будет знать. Гуляйте, сколько захочется. Всё за мой счет! И Онарчика приведи

ЖУРНАЛИСТ: Всегда к вашим услугам. Целую руки. (уходит окончательно).

АЛХАЗ: Знаешь его? Знаменитый журналист Фатулла. Замечательно пишет. Очень смелый. За двести долларов кого хочешь, с грязью смешает. Неужели не читал?

ДАМИР-БЕК: Мерзкий тип, и статьи пишет мерзкие.

АЛХАЗ: А на тебя не угодишь! Не нравятся тебе мои знакомые.

ДАМИР-БЕК: Какой ты наблюдательный!

АЛХАЗ: Твоя дочь очень умный человек, но она совсем не похожа на свою мать. Я ничего не говорю она очень обаятельная и красивая женщина, но совсем не похожа на свою мать. Та в молодости была очень красивой. Очень! Считалась самой красивой девушкой в Баку.

ДАМИР-БЕК: Она и сейчас самая красивая.

АЛХАЗ: Пожалуйста, пожалуйста. Я не спорю. Ты знаешь, я давно хотел тебе задать один вопрос, но как-то не получалось. Ты не обидишься?

ДАМИР-БЕК: Если давно хотелось, почему не спросил?

АЛХАЗ: Да как-то неудобно, ты же знаешь какой я тактичный. Думаю, спрошу, а он обидится. А сейчас мы так хорошо сидим, вот я и... Не обидишься?

ДАМИР-БЕК: Не представляю, что ты хочешь спросить, но если мне не понравится, ты об этом узнаешь немедленно.

АЛХАЗ: Дело прошлое, столько лет прошло, можно сказать десятилетий. Ты знаешь, что в свое время я был влюблен в твою жену, в те времена, когда ты с ней даже знаком не был.

ДАМИР-БЕК: Об этом весь город знал, я действительно с ней не был тогда знаком, но все на улице только и говорили, что Алхаз влюбился в студентку консерватории по имени Нармина и совершает в связи с этим поступки один глупее другого.

АЛХАЗ: Наша улица! Ты вспомни кто там жил. Что они понимали. Все мои поступки были не глупые, а красивые. Это были подвиги во имя чистой любви.

ДАМИР-БЕК: Например.

АЛХАЗ: Например? Пожалуйста. Эх, молодость! Каждое утро я ее встречал у ее дома на улице Хагани и провожал до дверей консерватории. И наоборот.

ДАМИР-БЕК: Что значит наоборот?

АЛХАЗ: То и значит – после занятий встречал у консерватории и провожал до самого дома. А если по дороге к ней подходил какой-нибудь нахал, я его каждый раз лупил так, что после этого он вообще переставал интересоваться женщинами. Она сердилась, но я то знал, что в глубине души ей это нравится. Женщинам вообще нравятся смелые люди.

ДАМИР-БЕК: И она позволяла тебе, чтобы ты ее провожал?

АЛХАЗ: Честно говоря, я у нее не разрешения не спрашивал. Шел себе молча следом, улица для всех. Но она знала, что я как верный пес. Кроме того, я каждые два три дня присылал ей цветы. В Баку тогда никто так не делал, цветы были дорогие. Букет относили, когда ее не было дома и отдавали домработнице.

ДАМИР-БЕК: Нармина принимала от тебя цветы? Что-то не верится.

АЛХАЗ: Еще как принимала! Правда, она каждый раз выбрасывала их в окно. Но я не придавал этому значения. Сам знаешь, с женщинами нужно терпение. Я ждал. Рано или поздно и цветы бы ей стали нравиться, и трубку бы она перестала бросать, услышав мой голос.

ДАМИР-БЕК: То есть ты считаешь, что женщин нужно брать измором?

АЛХАЗ: А как же! А ты не знал? Есть много способов, но самое главное терпение. Единственно кого они терпеть не могут так это скупых. А я не скупой, на женщин никогда денег не жалел.

ДАМИР-БЕК: Но вот видишь, в этом случае твой универсальный способ не сработал.

АЛХАЗ: Из-за тебя, будь ты проклят. Вечно ты лез повсюду. Нет, я все делал правильно. Рано или поздно она поняла бы, что я за человек. Что цветы. Цветы это так, между прочим. Я ей такие письма писал. Я уверен, читая их, она плакала.

ДАМИР-БЕК: Молодец! Вот уже не подозревал, что ты умеешь писать чувствительные письма.

АЛХАЗ: Кто их писал неважно. Подписывал – то их я, вот это главное. И еще музыка. На всех женщин музыка действует как гипноз. Ты знал Лёлика Асланова?

ДАМИР-БЕК: А кто его не знал? Профессиональный бездельник и лизоблюд. Кто-то мне рассказывал в те времена, что ты у него в бильярд «Москвич» выиграл.

АЛХАЗ: Одно название, что машина, а на самом деле ржавая банка на колесах. Не поверишь, он на коленях стоял, умолял, чтобы я эту рухлядь вернул ему. Умора!

ДАМИР-БЕК: Ну и что?

АЛХАЗ: Что. Жалко стало дурака, вернул. И взял с него слово, что при мне он в бильярд больше играть не будет.

ДАМИР-БЕК: Поразительные вещи я узнаю сегодня! Ты, Алхаз, добровольно вернул выигранную машину!?

АЛХАЗ: А что мне оставалось делать? Выяснилось, что машина принадлежит его отцу. А папашка его тогда начальником милиции работал. Я решил не связываться.... Так о чем мы говорили? А! Так вот у Лёлика был потрясающий аккордеон, лучший в городе, и он на этом аккордеоне хорошо играл. Это я рассказываю в том смысле, что в музыке он разбирался. Лёлик мне сразу сказал, что у меня приятный голос и абсолютный слух. А после того как мы вместе с ним прорепетировали, он пришел от моего пения в восторг. Талант, говорит ты, Алхаз, и бельканто! Ты знаешь, что такое бельканто?

ДАМИР-БЕК: Если бы и не знал, то сейчас бы наверняка догадался бы. И как ты распорядился своим бельканто?

АЛХАЗ: Ах, молодость! Днем я звонил и предупреждал Нармину, что буду петь в ее честь. Предупреждал и сразу давал отбой. Почти каждую ночь мы приходили на улицу Хагани к ее дому, Лёлик, с аккордеоном и я. Кондиционеров в то время не было, все окна раскрыты нараспашку, и я начинал петь.

Высвечиваются несколько окон и балкон Нармины. В ночной тиши звучит паскудный голос. Алхаз поет популярную тогда песню «Севгилим». На балконе появляется юная Нармина в халате: «Я вас умоляю, прекратите! Сколько можно!?» В окнах появляются потревоженные люди.

АЛХАЗ: Между прочим, отец ее профессор, а вел себя как разбойник. На четвертом концерте он выскочил из подъезда с палкой и грязно ругаясь, погнался за нами. Лёлика с аккордеоном он все-таки догнал и дал ему по спине палкой, Ударил так сильно, что в ту же ночь у него началась жуткая ангина. Из-за этого концерты мы возобновили только через неделю. А ты, в каких отношениях был с ее отцом?

ДАМИР-БЕК: Я никогда не видел его с палкой.

АЛХАЗ: Значит, ты при нем не пел. Покойный был наверно хорошим человеком, но каждый раз ужасно свирепел, услышав музыку... В общем, все шло по плану, пока не появился ты... Опять у меня настроение испортилось. Что я у тебя хотел спросить?

ДАМИР-БЕК: Действительно, что ты у меня хотел спросить?

АЛХАЗ: Это случилось именно на том проклятом традиционном вечере отдыха в Институте нефти и химии. Я точно знаю, что вы с Нарминой знакомы не были, и там она увидела тебя в первый раз. Все у меня перед глазами, как будто вчера произошло. Ты подошел к ней и сказал всего несколько слов. Всего несколько слов. Я стоял в трех шагах от нее, но ничего не услышал из-за шума. Я давно хотел спросить. Что ты ей сказал? Ты помнишь?

ДАМИР-БЕК: Прекрасно помню вечер, когда я в первый раз увидел Нармину. Я подошел к ней и сказал – «Здравствуйте, меня зовут Дамир» и протянул ей руку.

АЛХАЗ: И всё?!

ДАМИР-БЕК: А что еще? Всё.

АЛХАЗ: Значит, после этих четырех слов вы тут же вцепились друг в друга и это продолжается тридцать шесть лет?

ДАМИР-БЕК: Именно так. А чему ты удивляешься?

АЛХАЗ: Всему удивляюсь. Ты в своем драном костюме в тот вечер был похож на дистрофика, и танцевал с ней как раненый дистрофик. А на мне был новенький американский костюм, темно-бордовые туфли с разговорами, галстук с вышитым саксофоном, а прическа вся в бриолине. Ах, молодость! Я вышел на площадку перед оркестром вслед за вами и затанцевал так, что музыканты рты разинули. Но она в мою сторону не посмотрела. Я два года жизни положил, чтобы она со мной как с человеком поговорила, а ты пришел и все испортил. Сказал четыре слова и нате вам! И еще спрашиваешь, чему я удивляюсь?! Можно сказать, что ты мне всю жизнь испортил. Чему я удивляюсь»?!
?

ДАМИР-БЕК: (примирительно). По-моему ты все преувеличиваешь. Жизнь прекрасна, несмотря на все мелкие неприятности.

Появляется дочь Севда с мужем. Бармен проводит их к столику Алхаза.

СЕВДА: Здравствуйте! Что случилось!?

ДАМИР-БЕК: Да вот Алхаз показал мне твои долговые обязательства. Хотел при нем узнать у тебя, это на самом деле твои векселя?

СЕВДА: (облегченно вздыхает) Слава Богу! А я то – думала, что-то серьезное! Вы не представляете себе, какие кошмарные мысли постоянно стали лезть мне в голову, после того как похитили Эминчика.

АЛХАЗ: Но его же вернули, Если вы постараетесь, вам удастся избавиться от нехороших мыслей.

СЕВДА: А вы знаете, чем кормили ребенка эти негодяи в течение двух суток?! Жареной бараниной. Теперь у ребенка понос, а я, вместо того, чтобы заниматься им, мило беседую в ресторане.

ДАМИР-БЕК: Мы тебя не задержим. Я только хотел у тебя узнать, это ты подписывала все эти долговые обязательства?

СЕВДА: Я конечно.

ДАМИР-БЕК: Тебя никто не принуждал? Ты это делала добровольно?

СЕВДА: Не просто добровольно, а с удовольствием. Благодаря кредитам мы создали замечательное издательство и типографию. У нас работают самые лучшие редакторы, художники. У меня вся жизнь изменилась благодаря этой замечательной работе. Деньги это не главное!

ДАМИР-БЕК: Конечно, конечно... Но вот по этому документу вы заплатили за ремонт вашего здания 150 тысяч долларов? Было такое?

СЕВДА: Да заплатили. Ты не представляешь, какое значение имеет эстетика помещения, оригинальные интерьеры для творческих работников. И Алхаз муаллим нас в этом поддержал. (обращается к мужу) И мы ему оба благодарны!

В знак согласия тот кивает головой.

ДАМИР-БЕК: А где вы нашли трехэтажное здание под издательство?

СЕВДА: Его нашел для нас Алхаз муаллим. Папа, ты беспокоишься из-за долгов? Все будет в порядке. Алхаз муаллим обещал все уладить.

ДАМИР-БЕК: Знаю. Мы с ним сейчас именно этим занимаемся. Ты все четко объяснила, и теперь мне все ясно. Спасибо. Мы еще посидим, а вы поскорее поезжайте домой к ребенку.

Севда и ее муж уходят.

АЛХАЗ: Ну что, все честно? Убедился? Перейдем к делу? Я хочу, чтобы все кончилось добром для твоей дочери, ну и для зятя, конечно тоже. Ты согласен.

ДАМИР-БЕК: Что ты предлагаешь?

АЛХАЗ: Есть два выхода. Первый, ты долго будешь просить меня, будешь умолять меня, чтобы я спас твою семью...

ДАМИР-БЕК: Долго, это сколько?

АЛХАЗ: (шевелия губами что-то в уме подсчитывает). Минут двадцать может хватить. За это время ты успеешь извиниться передо мной за то, что всю жизнь презирал меня, за то, что при каждой встрече смотришь на меня как на заразного таракана, ну и за многое другое. Я тебе напомню за что. Я ничего не забыл. Ты должен извиниться так, чтобы я поверил, что ты говоришь от души. И без твоей наглой усмешки.

ДАМИР-БЕК: Ну и что тогда будет?

АЛХАЗ: Хорошо будет. Я возьму тебя на работу к себе референтом. Положу тебе приличную зарплату. Будешь каждый день приходить ко мне в офис, готовить к моему приходу почту, служебные бумаги, и разговаривать будешь вежливо, так как воспитанные люди разговаривать с начальником. За это до конца жизни можешь не возвращать мои деньги – шестьсот двадцать тысяч долларов.

ДАМИР-БЕК: А еще я мог бы каждый раз при твоём появлении играть на рояле «Бинго». И в конце рабочего дня тоже. Как тебе моя идея?

АЛХАЗ: (колеблется) На работе? Не так поймут. Обойдемся. Ну, как? Согласен?

ДАМИР-БЕК: Не пойдет.

АЛХАЗ: Ага... Почему не пойдет?

ДАМИР-БЕК: Начну объяснять, ты опять обидишься. Не пойдет. Переходи ко второму варианту.

АЛХАЗ: Он тебе еще больше не понравится. Вот смотри, (вынимает из папки сброшюрованные документы) Здесь четыре нотариально заверенные дарственные на твою квартиру, гараж, машину и дачу. Ты их подпишешь, и мы разойдемся, навсегда. Имей в виду, стоимость твоей квартиры, дачи и всего остального составляет в сумме около пятисот тысяч долларов. Подпишешь, и ты мне ничего не должен. Вот нотариально заверенная расписка, уже мною подписанная. В ней записано, что я получил от тебя в счет долга полностью всю сумму – шестьсот двадцать тысяч. Вот она, кладу ее в папку. Подпиши дарственные, и я отдам тебе папку со всем содержимым. Сделка для меня невыгодная, но я на нее иду.

ДАМИР-БЕК: Одного не пойму, ради чего ты, прожженный делец, хочешь заключить заведомо убыточную сделку? Почему?

АЛХАЗ: Потому, что благодаря тебе я понял, что есть вещи главнее денег – это ненависть. Ненавижу тебя. Не имея за душой ни копейки, ты всю жизнь, и при советской власти и

сейчас ведешь себя, так как будто миллионер ты, а не я. Везде суешь нос, разговариваешь с самыми достойными, влиятельными людьми на равных, и они еще радуются этому. Только я один знаю, что ты представляешь собою на самом деле. После того, как я отниму у тебя все, что ты имеешь, тебе уже никогда не оправиться. Твое время вышло. И тогда ты приползешь ко мне.

ДАМИР-БЕК: По сравнению с первым вариантом, второй просто роскошный. На мой взгляд, первый вариант это ничто иное, как многосерийный кошмарный сон. Я только представил себе, что я каждой утро прихожу в твой офис, и каждый день вижу тебя. Да от одной этой мысли меня может стошнить. Давай дарственные, всё подпишу!

Алхаз через стол протягивает ему дарственные.

АЛХАЗ: На всех четырех дарственных ты должен расписаться на каждой странице под печатью. На каждой дарственной пять подписей. Видишь галочки, здесь и расписывайся.

Дамир-бек деловито пододвигает к себе бумаги, и внимательно прочитав страницу, подписывается.

АЛХАЗ: Устал я от тебя. Много еще подписей?

ДАМИР-БЕК: Под дарственной на квартиру поставил полностью все подписи, под дарственной на дачу осталось три, на гараж и машину еще не начинал. Итого: осталось расписаться в тринадцати местах. Шикарные подписи, можно сказать автографы на память.

АЛХАЗ: (подозрительно) Я только одного не пойму. К чему все эти твои дурацкие шуточки? И с чего это ты все время хихикаешь? Я знаю, что ты не тупой. Может быть, ты от страха так ошалел? Или ты еще не понял под чем подписываешься? Ты остаешься без имущества, все оно теперь принадлежит мне, хоть это ты понял? А ты вместе со своей женой перейдешь в трехкомнатную квартиру дочери и зятя с двумя детьми, и будешь в их компании там жить с одной ванной и одним туалетом, без своего рояля и своей библиотеки. И не будет уже у тебя до конца жизни своего винного погреба, массажного кресла и любимой паскудной собачки, потому что там для них нет места. И так без перемен и надежд на будущее ты будешь жить до конца своих дней, потому что рассчитывать в жизни тебе не на кого, ни на себя, ни на других. А вот расходы на твои похороны я беру на себя. Ты знаешь, я своему слову хозяин.

ДАМИР-БЕК: Пожалуйста, хорони, если тебе так хочется, я не против. Но не обещай так уверенно, как никак ты на два с половиной года старше меня.

АЛХАЗ: А это не твоего ума дело. Обещал, сделаю. Можешь не сомневаться.

ДАМИР-БЕК: Верю, верю. Я знаю, ты к похоронам относишься серьезно. Два месяца назад я был на кладбище, хоронили нашего сотрудника. Там я увидел отгороженное пустующее место, и посередине памятник. Местная достопримечательность. Стоит человек из гранита, похожий на тебя, а в руке книга. И на пьедестале надпись – Алхаз Кадымов и дата рождения. А насчет смерти никаких справок, мол, живой я, весь в граните, и помирать не собираюсь. До этого еще додуматься надо – самому себе поставить памятник над будущей могилой!

АЛХАЗ: (с досадой) Во первых, памятник не гранитный, а мраморный. Между прочим вырезан из цельного куска... К моим будущим похоронам он отношение имеет, но не совсем... Вот все говорят, что в Азербайджане демократия. Где она? Ты знаешь, что в нашей стране, в Баку, например, невозможно за свои деньги поставить памятник. Можешь себе представить - солидному человеку запрещено за свои деньги установить художественную скульптуру на принадлежащем ему участке земли! Нельзя! Почему нельзя, никто не знает. Куда только я не обращался. Бесполезно! Разрешается ставить памятники только на кладбище, и у себя на даче.

ДАМИР-БЕК: Ты и на даче поставил?

АЛХАЗ: Зачем? Кто его там увидит кроме родственников? А они меня и так уважают. А на кладбище каждый день народ приходит... Вот ты такой наблюдательный, а заметил, что у памятника, у его ног, есть свободное место?

ДАМИР-БЕК: Не надо быть для этого наблюдательным. От памятника до ограды метра два – три.

АЛХАЗ: Два с половиной. Это место я бесплатно отдаю тебе. Похороню тебя там, и за свой счет устрою тебе поминки. Будешь лежать у моих ног...

ДАМИР-БЕК: Договорились. Вот только не пойму, почему ты изображен с книгой в руке?

АЛХАЗ: А чем тебе книга не понравилась?

ДАМИР-БЕК: Ты и книга. Как-то непривычно.

АЛХАЗ: Ничего. Привыкнешь. Привыкать будешь постепенно и, самое главное, молча. Время у тебя будет, после того как тебя там похоронят... Опять суешь нос не в свое дело?! Какое тебе дело до моего памятника или книги? Я же понимаю, что ты своими разговорами отвлекаешь меня для того, чтобы не ответить на мой вопрос, который я задал тебе от удивлении... Ни один нормальный человек на твоём месте не шутил бы и не хихикал. Или ты и впрямь спятил оттого, что происходит? А может быть, хитрость какую – то задумал? Если хитришь, то напрасно. Ты же сам мне объяснял несколько лет назад, что самая большая хитрость, это не быть хитрым. И еще какую-то непонятную басню при этом рассказал. Забыл о чем?

ДАМИР-БЕК: Какой сегодня курс маната по отношению к доллару? А евро к манату?

АЛХАЗ: (машинально) За манат дают 1 доллар десять центов или же восемьдесят девять евроцентов. А зачем тебе?

ДАМИР-БЕК: Вот видишь! Все, что связано с деньгами и вообще с наживой ты запоминаешь, а короткую басню запомнить не смог. Я тебе пересказал тогда прекрасную, на мой взгляд,

басню Эзопа: «Лисица знает много разных хитростей, а ёж одну, но зато большую». Понял о чем это?

АЛХАЗ: Да хрен с ней, с басней! То обезьяны были, теперь лисица, еж. Надоело. Я тебя спросил, а ты не отвечаешь. По-моему, ты виляешь. Не хочешь не отвечай.

ДАМИР-БЕК: Отвечаю. Я не сошел с горя с ума и не пытаюсь хитрить. Ситуация абсолютно ясная. В эту минуту я сижу перед торгашом Алхазом, которого всю сознательную жизнь терпеть не могу и, находясь в ясном уме и твердой памяти, подписываю дарственные документы, по которым все мое имущество должно перейти во владение торговца Алхаза. Я правильно излагаю?

АЛХАЗ: Все правильно, только, я не торговец, а бизнесмен. Думай, что говоришь.

ДАМИР-БЕК: Бизнесмен, коммерсант, это люди, которые зарабатывают деньги благодаря умению, деловой хватке, интуиции, в конце концов. А ты один из тех, кто делает деньги из воздуха, из ничего. И расплачиваются за твои манипуляции посторонние люди. На нашу голову сейчас появились дельцы-мутанты с мощными криминальными связями. И ты один из них. Бог, создавая людей, каждому при рождении дает шанс на счастье, а вы этот шанс у людей отбираете.

АЛХАЗ: Это последний раз, когда ты можешь оскорблять меня как хочешь. Я разрешаю. Но ты этим ничего не изменишь.

ДАМИР-БЕК: (искренне) Почему, когда я говорю абсолютную правду, тебе кажется, что я тебя оскорбляю. Я согласен, это хоть и неприятная, но правда, но никакое не оскорбление. Так на чем мы остановились? Вспомнил. Так вот подписываю я все эти бумаги, вынуждаемый непреодолимым чувством долга перед попавшими в беду близкими людьми. Другого выхода у меня нет.

АЛХАЗ: Крыша у тебя все-таки поехала, не сомневайся. Я уж с этим время от времени сталкиваюсь. Чего только не навидался. Человек нормально держится до поры до времени, на что-то надеется, а как поймет, что с ним произошло, и вернуть ничего нельзя, такую чепуху начинают нести. Некоторые на колени встают, умоляют, чтобы им имущество и деньги вернули.... Вообще соображать перестают. Вот, например, ты. Я тебя, о чем спрашиваю, а ты как будто не слышишь и в ответ чепуху несешь. Я и без тебя прекрасно

знаю, почему ты эти бумаги вынужден подписать... Ладно, не отвлекайся, ставь последние подписи.

ДАМИР-БЕК: Слушай, А ты не забыл водителя моего в дарственную включить? Имей в виду, он брезгливый и ни с тобой, ни с твоими приятелями в одну машину не сядет.

АЛХАЗ: Он все шутит!.. Очнись, теперь ты нищий бездомный человек! Ты понял, что произошло, или ты совсем перестал соображать.

ДАМИР-БЕК: Ты не прав. Конечно, я прекрасно понимаю, что происходит. Перед тем как подписать дарственные, я тщательно ознакомился с их содержанием. Они профессионально составлены. С документами все в порядке. Но при всем при этом я все равно не могу поверить в то, что такой человек как ты, обманув моих наивных детей, можешь присвоить мое имущество. Для меня это будет означать, что весь мир идет не в ту сторону.

АЛХАЗ: Так и есть, весь мир идет не в ту сторону, только ты один топашь куда надо. А это что означает «такой человек как ты»?- заинтересовался Алхаз.

ДАМИР-БЕК: Это и означает. Ничего хорошего. Человек без нравственных устоев.

АЛХАЗ: А с чего это ты решил, что у меня нет устоев?

ДАМИР-БЕК: А ты считаешь, что они у тебя есть?

АЛХАЗ: Тебе даже не снилось, сколько их у меня! Только я их напоказ не выставляю.

ДАМИР-БЕК: Пусть так, но все равно я считаю, что, несмотря на обилие устоев, тебе не удастся присвоить мое имущество. Это невозможно. Никогда не поверю в то, существа с патологически развитыми хватательными способностями и зачаточным интеллектом могут вытеснить из жизненного пространства Хомо сапиенс, нормальных мыслящих людей. Ты даже представить не в состоянии, что произойдет тогда с обществом... Все постепенно остановится, и, в конце концов, созданный человечеством наш привычный мир, скатится в

пропасть, как автомобиль с внезапно умершим за рулем водителем. Это невозможно, и этого не будет. Ты понял меня?

АЛХАЗ: Чего уж тут непонятного? Это ты сам придумал? Говоришь много, а толку, как всегда никакого. Это все теории, посмотришь что на деле получится... Подписал?

Подтянув к себе все три дарственные, Алхаз перелистал их и внимательно осмотрел страницы с подписями.

АЛХАЗ: Все правильно. Молодец! (придвигает к Дамиру черную папку с векселями). Все! Обмен состоялся. Теперь шути, сколько влезет. С этой минуты ты мне ничего не должен. Можешь сжечь эти документы или оставить себе на память...

Кажется, Алхаз хотел еще что-то сказать, но не успевает. Внезапно раздается звук, напоминающий хруст открывающейся банки с пивом. Дамир, подняв глаза к потолку, видит как трехлопастный латунный пропеллер, вдруг отделяется от корпуса вентилятора и, продолжая по инерции вращаться, начинает плавно снижаться по кругу. По пути он слегка касается самым кончиком лопасти головы Алхаза, после чего, совершает посадку на пол, и там внизу, как раненая стрекоза, начинает биться о ножки столов и стульев.

Со стороны могло показаться, что Алхаз танцует, продолжая сидеть на стуле. Бессмысленно глядя перед собой вытаращенными глазами, он выдвигает руками странные пассы на столе и одновременно в беспорядочном ритме раскачивается туловищем взад и вперед. На лбу его прямо над бровями возникает узкая как в керамической копилке щель с гладкими краями, около десяти сантиметров длиной. Через минуту «танец» прекращается и Алхаз падает лицом на стол. На скатерть из его черепа неровными рывками льется розовая каша, похожая на подтаявшее фруктовое мороженное.

ДАМИР-БЕК: (он потрясен) Этого не может быть! Умер. Ничего себе отколол номерочек!
Видит Бог, я этого не хотел!

Влиятельный и авторитетный судья Фарраф Абгваладзе сразу же, сообразив, что произошло, вместе со своей дамой независимой походкой направился к выходу.

БАРМЕН: Сейчас приедет полиция, вы расскажете, как все произошло.

СУДЬЯ: Что я могу рассказать, если я ничего не видел? Ты меня понял? Отойди в сторону.

БАРМЕН: Извините, он ваш друг, и я подумал...

СУДЬЯ: Тебе кто сказал, что он мой друг? Я тебе говорил?! И о том, что я сегодня был здесь, забудь!

К столу подходят телохранители Алхаза. Один из них держит в руках злополучный пропеллер, видимо он принес его показать любознательному Алхазу.

ДАМИР-БЕК: Плохо вы охраняете хозяина, Видите, какие неприятности. Это, между прочим, надолго, если не навсегда.

АМБАЛ С ПРОПЕЛЛЕРОМ: Что с ним?! (говорит с заметным трагическим подвыванием).

ДАМИР-БЕК: Обычное дело – умер. Что у тебя в руках? Правильно, пропеллер, а на пропеллере кровь Алхаза. А теперь на нем появились и отпечатки твоих пальцев. Понял? Положи пропеллер, откуда взял, это улика. Молчишь? (обращается к бармену) А какие они оба разговорчивые были, когда в машину меня заталкивали?!

АМБАЛ БЕЗ ПРОПЕЛЛЕРА: Что же теперь нам делать?

ДАМИР-БЕК: Хорошо было бы вашей стороны, если вы вдвоем сумеете обеспечить ему вечный покой.

АМБАЛ: А это как?

ДАМИР-БЕК: Честно говоря, не знаю. Думаю, на этом свете вряд ли кто знает, как это делается. На всякий случай, помолитесь за него, может быть поможет, (обращается к бармену) Принесите счет, я ухажу.

БАРМЕН: (с трудом шевелит губами) Вы ничего не заказывали... Я уже позвонил, вызвал скорую помощь и полицию.

ДАМИР-БЕК: Скорая помощь ему не нужна. Грустная история приключилась... Ладно, спокойной ночи.

БАРМЕН: Не уходите, пожалуйста. Приедет полиция, вы им все расскажете. Приедут, а в ресторане покойник. Они же меня до нитки обдерут! И вдобавок посадят в камеру вплоть до выяснения дела.

ДАМИР-БЕК: (внушительным тоном) К вам не может быть претензий. Все видели, что это был несчастный случай.

БАРМЕН: Кто видел? Что видел? Посмотрите, все разбежались.

Действительно, в зале кроме Дамира, бармена и отчасти Алхаза никого уже не было?

ДАМИР-БЕК: (удивленно) С Алхазом были два телохранителя. А они куда делись? Только что ведь были здесь.

БАРМЕН: Они сюда не вернуться. Как услышали слово полиция, сказали, что идут звонить сыновьям покойного, и сразу же выскочили на улицу. Я вас очень прошу, оставайтесь до приезда полиции. Через полчаса они будут здесь.

ДАМИР-БЕК: Ладно, подожду. Выполню гражданский долг. Только до приезда полиции мне надо позвонить жене, она наверное, беспокоится.

Дамир-бек звонит жене. Тем временем бармен машинально убирает стол. Собирает бумаги, складывает их в папку. Уносит ее на подносе вместе с посудой.

Появляются следователь и эксперт. Осмотр места происшествия и трупа занимает немного времени. Эксперт соскоблив с пропеллера сгустки крови, и помещает их в контейнер.

ЭКСПЕРТ: Нелепая смерть. Сидел себе человек в ресторане, а его вдруг бенц! как гильотиной.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ: (спрашивает у Дамир-бека) Вы сидели с ним за одним столом?

ДАМИР-БЕК: Да. Мы сидели вдвоем.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ: Расскажите, как это произошло? И еще, это чисто протокольная формальность. Не могли бы вы предъявить какойнибудь документ, удостоверяющий вашу личность.

ДАМИР-БЕК: Служебное удостоверение вас устроит?

Полицейский заглядывает в удостоверение, затем, к искреннему удивлению Дамира-бека, встает и отдает ему честь:

ПОЛИЦЕЙСКИЙ: Извините, я вас не узнал!

ДАМИР-БЕК: А мы разве знакомы?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ: Нет. Но я должен вас знать. Вы академик, ученый Академии наук. Мы все должны вас знать в лицо и оказывать знаки уважения.

ДАМИР-БЕК: Вы в Баку, наверное, из села недавно приехали? Здесь уважаемыми людьми давно уже считаются не ученые, а представители других, хм, кругов, в основном деловых.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ: Это временно. Дело в том, что поначалу, как дали свободу, народ растерялся, мы все растерялись, а теперь постепенно начинаем приходить в себя... Расскажите, пожалуйста, что вы видели?

ДАМИР-БЕК: Сидели, разговаривали. Неожиданно от включенного вентилятора отделился пропеллер и, вращаясь, упал на пол. По ходу он раскроил череп Алхаза Кадымова, который

сидел напротив меня. Конвульсии продолжались минуты полторы. Можно сказать, что умер он сразу. Бог послал ему легкую смерть.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ: Вы давно с ним были знакомы?

ДАМИР-БЕК: Лет сорок. С детства. Росли на одной улице.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ: Чем он занимался?

ДАМИР-БЕК: Извините, но я всю жизнь придерживался известного правила – о мертвых ничего или хорошо. Лучше не буду рассказывать, чем занимался покойный. Даже вспоминать об этом не хочу.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ: (неприметно усмехнувшись) Ладно. Тогда расскажите, что вы знали о нем хорошего.

ДАМИР-БЕК: (задумывается) Хорошее? Угу, хорошее... Покойный умел хорошо варить хаш. Вот! Это признавали даже понимающие ценители хаша.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ: И это всё?

ДАМИР-БЕК: Всё. Пожалуй, всё.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ: Пожалуйста, распишитесь вот здесь,

ДАМИР-БЕК: Я прошу вас, прежде чем я подпишу, внести в протокол мое показание о том, что этот старый вентилятор был собственноручно включен покойным Алхазом. Он же запретил включать кондиционер, объясняя это тем, что кондиционированный воздух плохо отражается на его остеохондрозе.

ЭКСПЕРТ: (философским тоном) Подумать только, человек своими руками подписал себе смертный приговор. Зря он это сделал.

ДАМИР-БЕК: (машинально) В этом мире, молодой человек, сразу трудно определить что сделано зря, а что во благо человечества... Извините, кажется, я не прав, (подписывает протокол) За сегодняшний вечер, я подписываюсь в двадцать шестой раз. И все по неприятному поводу.

Прощается с полицейскими, направляется к двери. У выхода его останавливает бармен.

БАРМЕН: Спасибо. Вы совсем не похожи на клиентов нашего кафе. По-моему вы хороший человек.

ДАМИР-БЕК: Это я притворяюсь хорошим человеком. Иногда получается.

БАРМЕН: (с надеждой) Вы шутите?

Дамир-бек несколько мгновения вглядывается в его, все еще, несмотря на работу за стойкой, наивные глаза.

ДАМИР-БЕК: Конечно, шучу. Будь здоров, сынок. И впредь никого не бойся. Людей безопаснее любить, чем бояться.

БАРМЕН: Это ваше. (протягивает Дамир-беку черную папку). Я видел, как вы подписывали какие-то документы. Я их положил в папку с другими бумагами... Алхаз – муаллима уже нет, поэтому такие вещи в нашем ресторане лучше не оставлять.

Дамир-бек несколько мгновений размышляет. Берет у бармена папку.

ДАМИР-БЕК: Может быть, вы и правы. Конечно, правы. Спасибо, надо будет все это еще раз внимательно просмотреть дома.

Санитары несут носилки с телом Алхаза. Следом идут полицейские и эксперт. Приближаются к выходу.

И тут неожиданно для всех, громко и задорно заиграл оркестр. С непонятым возбуждением, даже остервенением музыканты исполняют «Бинго». Играют до тех пор, пока носилки с телом Алхаза не скрываются за дверью. На завершающем аккорде, дикими козлиными голосами дружно выкрикивают: Бинго! Бинго! Ча – ча – ча!

ДЕЙСТВИЕ 3-е.

Квартира Севды.

Ее муж сидит в кресле, листает журнал.

СЕВДА: Так хочется увеличить зарплату корректорам, очень уж мало они получают. А работа у них изнурительная.

Муж в знак согласия кивает головой.

СЕВДА: (с заметным раздражением) Алхаз муаллима нет и посоветоваться теперь не с кем... Так увеличить зарплату или нет?

Муж кивает. Сделав над собой усилие, отрывается от журнала.

МУЖ СЕВДЫ: Обязательно. Всем. С первого числа. Но денег на это нет.

Из детской на цыпочках выходят Дамир-бек, осторожно закрывает за собой дверь.

ДАМИР-БЕК: Спит, спит как младенец.

СЕВДА: Можешь говорить громко, в детской ничего не слышно. До твоего прихода, он выглядел возбужденным, непрерывно рассказывал о том, как его держали запертым вместе с телевизором и черной кошкой по кличке Пакиза, а потом вдруг рухнул и очень крепко уснул. Он засыпает сразу, точно так же как ты.

В комнату входит домработница Зиба, в руках у нее черная папка.

ЗИБА: Лежала в передней. Я ее раньше не видела.

ДАМИР-БЕК: Унеси, унеси. Это антисанитарная вещь, Пусть себе лежит пока в передней. Буду уходить, заберу с собой.

Испуганная домработница с перепугу роняет папку.

ЗИБА: А чем она заразная?

СЕВДА: Папа шутит, она не заразная.

ДАМИР-БЕК: На всякий случай руки после нее лучше вымыть.

СЕВДА: Говорю тебе, шутит!

ЗИБА: Ничего. Мне лишний раз вымыть руки не трудно. (ухватив краем подола папку, уходит).

ДАМИР-БЕК: Думаю, что я был неправ. Мне все-таки надо было почаще интересоваться вашими делами. Начну с того, что завтра же зайду в ваше издательство.

СЕВДА: Конечно, заходи. Уверена, тебе многое там понравится. Ты не согласишься, но мне очень часто не хватает твоего совета. Так хочется иногда услышать твое мнение. Сколько раз я и Сабиру говорила об этом, (обращается к мужу) Правда, дорогой.

В знак согласия тот кивает головой.

СЕВДА: Ты даже представить себе не можешь, какую помощь нам оказывал Алхаз – муаллим. Столько он нам хорошего сделал. Даже переговоры с заказчиками он целиком взял на себя. А какой он был энергичный. Ты не представляешь себе...

ДАМИР-БЕК: Нет, почему же. В общих чертах кажется, представляю.

СЕВДА: Представляешь, наверное, но не всё, потому что многого о нем не знаешь. Он был в непрерывной работе. Сколько он построил зданий, сколько у него в Баку новых предприятий появилось. Я первый раз в жизни встретила такого энергичного и доброжелательного человека. Обществу необходимы такие люди. Правда, Сабир?

В знак согласия Сабир кивает головой.

СЕВДА: Я очень тебя люблю папа, И ты это знаешь. Ты умный, тонкий, интеллигентный человек. Алхаз - муаллим был не такой. Но зато, сколько пользы покойный приносил людям!

ДАМИР-БЕК: Можешь его не оплакивать, Алхаз практически бессмертен. Физически он умер, но дело его живет. Уверяю тебя, уже завтра на его место встанет другой Алхаз...муаллим.

СЕВДА: Поверь мне, отец, ты не прав. Ты блестящий человек, и я тобой горжусь. Но ты всегда интересовался только, своими делами, политикой, и еще разными делами, которые интересны только тебе и твоим друзьям. И это при твоём уме, твоих связях. Извини, но ты весь ушел в себя и ничего не делаешь ради всеобщего блага. А делами, которые приносят пользу людям, занимаются такие люди как Алхаз муаллим. Правда, Сабир?

ДАМИР-БЕК: (зятю). Попробуй только кивни.

СЕВДА: (расстроилась) Вот видишь, ты обиделся. Извини меня.

ДАМИР-БЕК: Да нет, ты меня не обидела. Но за живое задела. Последние годы я сам об этом непрерывно думаю.

СЕВДА: О чём?

ДАМИР-БЕК: О том, что ты сказала. Все о чем мы говорим сейчас, это следствие того, следствие того, что началось в 1991 году. Как будто все это было вчера, но на самом деле с тех пор прошло пятнадцать лет. Тебе было всего девять лет и ты, конечно, не могла понять, что происходит. Развалился Советский Союз, перестала существовать великая империя. На всей территории воцарился хаос. Власть, можно сказать, валялась на улице и ее подобрали проходимцы, именующие себя демократами. Люди невежественные, вороватые и лживые, но с чрезвычайно развитым инстинктом наживы, они с истошными выкриками «Свобода», «Равенство», «Братство» они разворовали все, до чего могли дотянуться. Возник новый культ – культ денег. Когда стало известно, что появился шанс стать богатым и за это не посадят в тюрьму, люди, жившие при социализме на нищенскую зарплату, бросились добывать деньги любым способом. Люди с экономической жилкой сколотили целые состояния. Очень часто ценой чести и доброго имени.

СЕВДА: Они и сегодня правят бал. Но ты держался в стороне?

ДАМИР-БЕК: Об этом я и говорю... Необычный день выдался сегодня. Похищение, встреча с бывшим соседом Алхазом. Сегодня весь вечер мне объясняли, что я неудачник и представление не имею о том, как надо правильно жить. Пришел сюда и здесь от своей дочери услышал почти то же самое. Очевидно, наступило время подумать, кто из нас прав.

СЕВДА: Я никогда не думала, что ты неудачник, (обращается к мужу) Повтори, пожалуйста, что я постоянно говорю тебе о папе!

В наступившей паузе муж Севды совсем было собрался что-то сказать, но не успевает - звонят в дверь. В комнату в сопровождении домработницы входит уже знакомый обитателям квартиры полицейский.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ: Извините, за поздний приход. Мы задержали несколько подозреваемых, не хотелось бы до утра зря держать их в отделении. Я принес для предварительного опознания их фотографии.

СЕВДА: Все в порядке, для нас это не поздно. Познакомьтесь, это мой отец Дамир-бек.

Обмениваются рукопожатиями.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ: Разрешите? (раскладывает на столе несколько фотографий, обращается к домработнице). Вы можете опознать среди этих людей тех, кто принимал участие в похищении ребенка?

Домработница Зиба внимательно рассматривает снимки.

ЗИБА: Это что же такое вы принесли!? Даже смотреть в их сторону неприятно. Страшные бандитские морды.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ: Вы уверены, что среди похитителей ни одного из них не было?

ЗИБА: Уверена, уверена. Ничего похожего. Слава богу, у тех были совсем другие лица, (не может оторвать взгляд от снимков) Ух какие бандиты! Вы где их нашли?

СЕВДА: Подожди, может быть, ты еще подумаешь? Вспомни. Один из бандитов был похож на твоего дядю Исрафила, а второй? Подумай.

ЗИБА: Я два дня только об этом и думаю. Второй был намного симпатичнее дяди Исрафила, он высокий, у него был орлиный взгляд и он очень похож на Полада Бюль-Бюль оглы. Только помоложе. Может быть, он не поет, но такой же симпатичный.

СЕВДА: Ты что несешь? Ты так говоришь о человеке, который украл Эминчика? Не стыдно тебе.

ЗИБА: Я не спорю, украл, Но вернул же, бесплатно вернул. Значит не совсем бессовестный. А с виду он действительно очень симпатичный, а может быть и добрый внутри.

СЕВДА: (полицейскому) Пожалуйста, извините. Я никогда заранее не знаю, что она может сказать.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ: (бодро) Все в порядке, опознание прошло строго по инструкции. А розыск преступников мы продолжим. И мы их найдем, не сомневайтесь.

Полицейский уходит. Вслед за ним из гостиной выходит и домработница.

СЕВДА: Нет, это кошмар! Она считает отъявленного бандита симпатичным, вдобавок еще и добрым! А может быть, она влюбилась в него?

ДАМИР-БЕК: В конце концов, не все способны разбираться в людях так же хорошо как ты!

СЕВДА: Все понятно, Ты не согласен с моим мнением об Алхаз муаллиме. Но это потому, что ты его плохо знал.

ДАМИР-БЕК: На чем я остановился?

СЕВДА: Ты почти закончил объяснять, почему не стал богатым.

ДАМИР-БЕК: (усмехается) Молодец! Есть на свете люди, которым не суждено стать богатыми. Один из них твой отец. В смутные времена в Академии наук очень хорошие честные люди поняли, что во время кризиса жизненно важно сберечь до лучших времен хотя бы то, что от науки осталось. Этим они и занялись. Я примкнул к ним и до сих пор благодарен судьбе за то, что они приняли меня в свою компанию. Я не считаю, что мы остались у разбитого корыта. То чего мы добивались, у нас получилось.

СЕВДА: Это прекрасно. Вы в то смутное время не снимали белых перчаток, потому что у вас была благородная цель - наука, а ведь были и другие люди, без идеалов, которым хотелось одного, жить по-человечески. Такие люди как Сабир или его отец? (обращается к мужу) Разве я не права?

МУЖ: (кивает) Конечно, права. Наукой легко заниматься, в том смысле, что это не опасно. А вот, например, у моего отца, ветеринара по профессии, была очень трудная работа, два раза его кусали бешеные собаки, гусь его в глаз клюнул. А сейчас он получает такую же пенсию как его сосед детский парикмахер.

СЕВДА: Между прочим, моего папу, как сегодня помню, десять лет назад в Пиршагах ужалила змея, а это тебе не какой - то домашний гусь.

ДАМИР-БЕК: (неприметно усмехнувшись) Ты не права. Змея на то она и змея, чтобы ужалить наступившего на нее дачника. Это нормально. А вот когда кусают собаки или неблагодарный гусь клюет в глаз своего врача, это, наверно, очень обидно. В этом я с Сабиром согласен. А как отец себя чувствует? Что с глазом?

МУЖ: Спасибо, на здоровье не жалуется, на глаз тоже.

ДАМИР-БЕК: Вот и прекрасно. Надеюсь, и пенсии скоро увеличат. А я всего навсего хотел сказать, что в смутное время мы занимались своим делом, а всевозможные энергичнее деятели вроде Алхаз муаллима надолго заняли свободные ниши.

СЕВДА: Папа, причем здесь Алхаз муаллим!? Ты же сам сказал, что страна выздоровела.

ДАМИР-БЕК: Я сказал выздоравливает.

СЕВДА: Неужели не заметно, что лучшие времена, которых вы дожидались, уже наступили!?. На все теперь хватает денег, и на науку и на искусство, на все... А завтра денег будет еще больше. Значит все теперь в порядке? Ты доволен?

ДАМИР-БЕК: Ты знаешь, что такое «кипящий слой нации?»... Это наиболее активный слой гражданского общества. Он состоит из представителей всех профессий и слоев общества. Очень важно, ну просто необходимо, что все составлявшие кипящий слой, были высококачественные люди.

СЕВДА: А кто это высококачественные люди?

ДАМИР-БЕК: (усмехается) Это те, кто должны составлять кипящий слой. Другого определения не существует. Вот такой вот замкнутый круг. При разгуле демократии, то есть в период смутного времени, в кипящий слой проникло много шпаны. И сегодня он еще полностью от нее не очистился. Это уже вопрос времени.

СЕВДА: Восстановится твой кипящий слой в самом высококачественном составе! Нет мне до него дела, я все равно уверена, что ты и сейчас способен совершить то, что другим не под силу.

ДАМИР-БЕК: Во всяком случае, вкуса к жизни не потерял. И от будущего жду интересных событий. Только не богатства. И знаешь почему? Богатыми могут стать только люди, которые чувствуют, что они бедны. А я никогда не чувствовал себя бедным, ни в молодости не сейчас. Тебе наверно все, что я говорю о себе, кажется глупостью?

СЕВДА: Да нет же, какие же это глупости? Я всегда соглашалась с мамой, когда она говорила, что мой отец самый сильный и умный человек на свете (обращается к мужу). Правда ведь соглашалась?

В знак согласия муж кивает головой.

ДАМИР-БЕК: (Севде) Ты еще не забыла, как мы с тобой играли в четыре руки?

Севда и Дамир-бек садятся за рояль. Играют «Бинго».

В комнату вбегает домработница.

- Ребенок проснется!

Рояль сразу замолкает. Гаснет свет. И тут же на освещенной авансцене возникает оркестр из ресторана «Финал» и без паузы продолжает мелодию с той самой ноты, на которой ее оборвали Севда и Дамир-бек.